

С. Машинский

Н.В. Гоголь в оценке русской критики

4

<...>

В 1851 году за границей вышла работа А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России». С замечательной глубиной здесь была нарисована картина революционно-освободительного движения в России и показана роль, какую играла в нем передовая русская литература. Герцен особенно подчеркнул значение гениальных произведений Гоголя и вслед за Белинским беспощадно вскрыл реакционный смысл «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Книга Герцена тотчас же привлекла к себе пристальное внимание царского правительства. Со скорбью и гневом писал в ней Герцен о трагической судьбе русского писателя в условиях полицейско-бюрократического режима. Он назвал историю русской литературы реестром каторги и привел в подтверждение длинный перечень имен загубленных самодержавием русских писателей. Факты, перечисленные Герценом, были известны всей стране. Мимо них не могла пройти и мысль Гоголя. Он писал:

«Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью, в течение одного десятилетия, в поре самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих...»

Многие писатели пали жертвами в ожесточенной борьбе, которую вел русский народ за свое освобождение. Трагедию этих писателей разделил и Гоголь, которого Максим Горький верно назвал «жертвой времени».

Когда в 1852 году не стало Гоголя, «цензорам объявлено было приказание — строго цензурировать все, что пишется о Гоголе, и, наконец, объявлено было совершенное запрещение говорить о Гоголе, — рассказывает один из современников. — ... Даже имя Гоголя опасались употреблять в печати и взамен его употребляли выражение: “известный писатель”». И.С. Тургенев откликнулся небольшой статьей, в которой писал:

«Гоголь умер. — Какую русскую душу не потрясут эти два слова?..»

Статья чудом проскочила через цензуру и была напечатана в газете «Московские ведомости» в форме «Письма из Петербурга», вызвав у столичных властей страшное негодование. Тургенева обвинили в том, что он осмелился возвеличить «лакейского писателя» и пытался представить его смерть «как незаменимую потерю». За свое «Письмо» Тургенев поплатился высылкой из Петербурга.

На страницах реакционных газет и журналов после смерти писателя с новой силой началась кампания против автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Даже «Выбранные места из переписки с друзьями» не могли примирить с ним реакцию. Для нее Гоголь навсегда остался ненавистным сатириком, обличителем, сокрушающим основы крепостнического строя.

Борьба против Гоголя и гоголевского направления в литературе сделалась черным знаменем всего реакционного лагеря. Булгарин и Сенковский, не утруждая себя ни поисками доказательств, ни выбором выражений, тупо продолжали твердить, что «Мертвые души» представляют собой «сущий вздор», «небывальщину» (Булгарин), что «Ревизор» — это комедия «решительно ничтожная, драматически и нравственно» (Сенковский).

Глубоко реакционный смысл имели и выступления критиков либерально-дворянского лагеря. Под видом защиты «чистого», «художественного» искусства они повели

в 1850-е годы ожесточенную кампанию против Гоголя. Ее возглавлял критик А.В. Дружинин.

В ряде статей, появившихся в журнале «Библиотека для чтения», Дружинин и его единомышленники пытались противопоставить «сатире и карающему юмору» Гоголя «незлобивую шутку» Пушкина. Они кощунственно надругались над памятью великого поэта, объявив его певцом «чистого искусства». Фальсифицированный Пушкин должен был в их руках служить орудием в борьбе с гоголевским направлением. Об этом недвусмысленно заявлял сам Дружинин:

«Против сатирического направления, к которому привело нас неумеренное подражание Гоголю, — поэзия Пушкина может служить лучшим орудием».

Позднее Салтыков-Щедрин в своих знаменитых «Письмах к тетеньке» блестяще раскрыл истинный смысл «любви» реакционной, в том числе и либеральной, критики к Пушкину:

«Только шутки шутят современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть под сению памятника Пушкина. В действительности, они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайности современности. Ибо они отлично понимают, что сущность пушкинского гения... в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно».

Противопоставление реакционными и либеральными критиками Пушкина Гоголю, равно как и отрицание ими гоголевского направления, отражало стремление выхолостить из искусства общественное содержание, предать забвению освободительные традиции русской литературы и заставить ее служить крепостнической действительности. Это отлично поняла критика революционно-демократического лагеря. И поэтому защита ею гоголевского направления сразу же приобрела характер необыкновенно острой идейной борьбы.

5

Творчество Гоголя имело исключительно важное значение в жизни Чернышевского, в истории духовного, политического его развития. Произведения Гоголя способствовали пробуждению в молодом Чернышевском интереса к социальным вопросам современности и обострению его ненависти к феодально-помещичьему строю.

Юношеские дневники Чернышевского раскрывают перед нами процесс напряженных его раздумий над вопросами русской литературы и в особенности — творчества Гоголя. В этих записях Чернышевского имя Гоголя встречается часто и в самой различной связи. Например, 2 августа 1848 года двадцатилетний Чернышевский заносит в свой дневник:

«Литература: Гоголь и Лермонтов кажутся недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь».

Несколько дней спустя в связи с чтением «Мертвых душ» появляется новая запись:

«Дивился глубокому взгляду Гоголя на Чичикова... Велико, истинно велико! ни одного слова лишнего, одно удивительно! вся жизнь русская, во всех ее различных сферах, исчерпывается ими...»

Для Чернышевского Гоголь — «чрезвычайный» человек, сравнение с которым никто не в состоянии выдержать в русской и западноевропейской литературе, ибо он «выше всего на свете, со включением в это все и Шекспира, и кого угодно». Гоголь становится в его глазах как бы художественным и нравственным критерием в оценке самых различных явлений не только искусства, но и жизни. Первоначальное восприятие Гоголя у Чернышевского складывалось под влиянием Белинского. С первых же своих выступлений

в печати Чернышевский горячо пропагандирует творчество Гоголя и борется за гоголевское направление в литературе.

В основе материалистической эстетики Чернышевского лежала мысль об общественной роли искусства: искусство призвано воспроизводить и объяснять жизнь, и самое важное — оно должно выносить «приговор» явлениям действительности, то есть быть орудием ее революционного изменения. Ни в какой степени не умаляя великого исторического значения Пушкина, Чернышевский, однако, признает Гоголя писателем, более соответствующим потребностям современной действительности.

Это положение было подробно развернуто в «Очерках гоголевского периода русской литературы», появившихся на страницах «Современника» в 1855–1856 годах.

Примечательно самое название работы. Именем Гоголя Чернышевский определяет целый период русской литературы, притом один из наиболее важных и плодотворных в ее истории. Творчество Гоголя он считает одним из самых значительных событий русской жизни 1830–40-х годов.

В «Очерках» Чернышевский излагает историю общественной мысли России этих двух десятилетий. Он раскрывает направление различных органов печати, идейное содержание журнальных полемик, характеризует позиции ряда критиков и журналистов. Причем анализ самых различных проблем русской общественной мысли ведется под углом зрения ее отношения к творчеству Гоголя. И это понятно, ибо автор «Ревизора» и «Мертвых душ» оказал, по мнению Чернышевского, огромное влияние на русское общество, «пробудил в нас сознание о нас самих».

Чернышевский вскрывает социальное значение творчества Гоголя. В обществе, раздираемом трагическими противоречиями, Гоголь служил народу, его творчество способствовало борьбе за правду и справедливость, против всего «злого и пошлого». Вот почему Гоголю «многим обязаны те, которые нуждаются в защите». Отсюда — самый существенный вывод Чернышевского: «... давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России».

Имя Гоголя у Чернышевского, как и у Добролюбова, часто сопоставляется с именем Белинского — «главного деятеля критики гоголевского периода». В глазах Чернышевского Белинский оказал наиболее могущественное влияние на развитие прогрессивной общественной мысли России. Кто же из писателей может быть равен ему по значению? Чернышевский без колебаний отвечает:

«Только Гоголь... равняется своим значением для общества и литературы значению автора статей о Пушкине».

Творчество Гоголя рассматривается в «Очерках» как закономерное развитие наиболее плодотворной линии в истории русской литературы — сатирической.

«Нельзя сказать, — пишет Чернышевский, — ...чтобы Гоголь не имел предшественников в том направлении содержания, которое называют сатирическим. Оно всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы».

Чернышевский вспоминает имена Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, Крылова, Грибоедова. Они исторически подготовили появление Гоголя, но этот факт ни в какой мере не снижает новаторского значения его творчества.

Чернышевский скромно указывал, что его взгляд на Гоголя является «по большей части только сводом и развитием воззрений, выраженных критикою гоголевского периода литературы», то есть Белинским. Однако ряд проблем гоголевского творчества раскрывается Чернышевским совершенно самостоятельно и оригинально.

Такова, например, замечательно глубокая характеристика отрывков второго тома «Мертвых душ».

Белинский не знал об этих фрагментах, они были опубликованы лишь через семь лет после его смерти. Писательская деятельность Гоголя оборвалась в сознании Белинского

на реакционных «Выбранных местах из переписки с друзьями». Свое «Письмо к Гоголю» он заканчивал выражением надежды, что писатель искупит свой «тяжкий грех» новыми творениями, которые напомнят его прежние.

Внял ли Гоголь совету Белинского? Смог ли он преодолеть кризис в своем художественном творчестве?

Случайно уцелевшие и напечатанные в 1855 году черновые записи пяти глав второго тома «Мертвых душ» позволили Чернышевскому раскрыть картину мучительных идейных противоречий в Гоголе.

Многие эпизоды второго тома, как справедливо утверждает Чернышевский, решительно слабы и по своему направлению связаны с «Выбранными местами из переписки с друзьями». Таковы, например, страницы, посвященные «изображению идеалов» самого автора (Костанжогло, Муразов).

«Изображение идеалов» было вообще самым уязвимым местом в творчестве Гоголя, но это, указывает Чернышевский, объясняется не односторонностью его таланта, а напротив, силой этого таланта, «состоявшей в необыкновенно тесном родстве с действительностью». Когда история или действительность предоставляли Гоголю «идеальных лиц», они выходили у него превосходно. Чернышевский в качестве примера указывает на героев «Тараса Бульбы» или Пискарева из повести «Невский проспект».

Но в уцелевших отрывках второго тома «Мертвых душ», помимо слабых эпизодов, есть очень много страниц, свидетельствующих о том, что «великий талант Гоголя является с прежнею своею силою, свежестью, с благородством направления, врожденным его высокой натуре».

Немногие строки «Очерков гоголевского периода», посвященные анализу второго тома «Мертвых душ», — самое важное и глубокое из того, что до сих пор написано на эту тему. Указанные положения Чернышевского позволяют воссоздать правильную картину идейного и художественного развития Гоголя на последнем и самом трудном, трагическом этапе его жизни.

Чернышевский постоянно подчеркивал национальную самобытность Гоголя, органическую связь его творчества с русской жизнью. Обличение пороков крепостнической действительности было выражением пламенной любви гениального художника к России, к ее народу, ибо «ни в ком из наших великих писателей не выразалось так живо и ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству».

6

Высоко оценивая творчество Гоголя, революционно-демократическая критика отмечала в нем и слабые, ограниченные стороны, которые не позволяют считать его произведения «безусловно удовлетворяющими всем современным потребностям русской публики».

В исторических условиях 1850-х годов, когда стал отчетливо слышен голос революционно-демократических писателей, некоторые стороны творчества Гоголя стали особенно уязвимыми. Жизнь выдвигала перед искусством новые задачи. Вот почему в ряде произведений современных писателей Чернышевский видит «залог более полного и удовлетворительного развития идей, которые Гоголь обнимал только с одной стороны, не сознавая вполне их сцепления, их причин и следствий».

К этому вопросу Чернышевский снова возвращается в статье о «Сочинениях и письмах Н.В. Гоголя» (1857).

Чернышевский отмечает в Гоголе «тесноту горизонта», то есть недостаточность идейного развития. Будучи великим писателем-реалистом, Гоголь правильно изображал повсеместно наблюдаемые им безобразия крепостнической действительности, возбуждал негодование против них. Но вместе с тем «Гоголь не предвидел, куда поведет это

негодование», «его поражало безобразие фактов, и он выражал свое негодование против них; о том, из каких источников возникают эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, в которой встречаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, он не размышлял много». Иными словами, Гоголь не видел связи между «частными явлениями» и «общеею системою жизни».

С изумительной глубиной вскрывает Чернышевский противоречия Гоголя, «много-сложный его характер» — писателя и человека.

Критик указывает на поверхностное и ничего не объясняющее противопоставление «художника» «мыслителю», Гоголя — создателя «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголю — автору «Выбранных мест из переписки с друзьями». Решительно осуждая реакционные идеи этой последней книги, Чернышевский вместе с тем задается целью выяснить, каким же образом, почему пришел к ней гениальный писатель.

Важнейшую причину Чернышевский видит в отсутствии у Гоголя «стройных и сознательных убеждений». Именно поэтому писатель не видел связи между «частными явлениями» и «общеею системою жизни». Чернышевский отвергает нелепое предположение, будто бы Гоголь стихийно и бессознательно создавал великие обличительные произведения, что якобы он «сам не понимал смысла своих произведений». Напротив, Гоголь не только сознательно стремился «быть грозным сатириком», но еще понимал, сколь недостаточна та сатира, которую он мог позволить себе в «Ревизоре», сколь она «слаба еще и мелка». Именно в этой неудовлетворенной «потребности расширить границы своей сатиры» критик видит одну из причин недовольства Гоголя своими произведениями.

Правильность выводов Чернышевского подтверждается известной формулой В.И. Ленина об «идеях Белинского и Гоголя», которые дороги каждому порядочному человеку на Руси.

Выводы Чернышевского имели большое теоретическое значение. Они окончательно выбивали из рук врагов гоголевского направления довод, с помощью которого давно пытались фальсифицировать образ великого писателя: доказать, что Гоголь никогда сознательно не разделял критических устремлений своих произведений, что в своем отношении к господствующему строю жизни в России он всегда был благонамерен и, наконец, что основные идеи «Выбранных мест из переписки с друзьями» разделялись писателем с самого начала его творческой деятельности.

Чернышевский не оставил камня на камне от этой легенды.

Вместе с тем критик отнюдь не считал, что «Выбранные места из переписки с друзьями» явились неожиданным эпизодом в биографии Гоголя. Еще Белинский, анализируя первый том «Мертвых душ», обратил внимание на некоторые места поэмы, которые заставили его насторожиться и показались ему тревожными с точки зрения дальнейшего развития творчества Гоголя.

В своей статье о «Сочинениях и письмах Н.В. Гоголя» Чернышевский всесторонне освещает этот вопрос.

Гоголь вполне сознательно казнил в своих произведениях русскую крепостническую действительность, однако писатель был лишен стройного мировоззрения, он поддавался больше «инстинктивному направлению своей натуры». В этой слабости и ограниченности теоретического развития Гоголя таилась величайшая для него, как художника, опасность. В пору своей наибольшей зрелости Гоголь и сам почувствовал необходимость выработать в себе «систематический взгляд на жизнь», «сознательное мировоззрение». Но сделать этого Гоголь уже не смог.

Идейная позиция Гоголя в 1830-е годы была крайне сложной и противоречивой. В ней преобладало прогрессивное начало, но во взглядах писателя имелись и отсталые, консервативные элементы, которые позднее, в «Выбранных местах», получили полное

развитие. Так произошел резкий перелом в сознании Гоголя и началось в его деятельности «новое направление».

Чернышевский не опрощает Гоголя. Он не вгоняет его в ту или иную догматическую схему. Он берет писателя таким, каким он был, со свойственными ему противоречиями.

Чернышевский ставит еще более резко, чем Белинский, вопрос о значении передового мировоззрения для писателя. Гоголь обладал великим талантом. Но одного таланта сейчас уже недостаточно. Писатель должен быть вооружен еще «стройными воззрениями на жизнь», то есть передовыми взглядами, чтобы быть способным сознательно бороться за революционное преобразование действительности. С этой точки зрения Чернышевский сравнивает Гоголя с писателями революционно-демократического направления:

«Теперь, например, Щедрин вовсе не так инстинктивно смотрит на взяточничество... он очень хорошо понимает, откуда возникает взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено».

Но Гоголь был сыном своего времени. Его слабые стороны были исторически обусловлены, и потому они не могут заслонить его бессмертных заслуг перед русской литературой и обществом.

Таков итоговый вывод Чернышевского.

Выступления Чернышевского в защиту гоголевского направления вызвали ярость в лагере либеральной критики. Еще не успело закончиться печатание его «Очерков гоголевского периода», как на страницах журнала «Библиотека для чтения» выступил в конце 1856 года Дружинин с большой статьей, озаглавленной «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения». Хотя имя Чернышевского ни разу и не было названо в статье Дружинина, но полемический ее адрес был, разумеется, для всех ясен. Она была нацелена не только против Белинского, но и против Чернышевского.

Статья Дружинина была резка и запальчива по тону. И понятно, почему. Выступления Чернышевского разрушили надежды либеральной критики на то, что с Гоголем и гоголевским направлением покончено. Тогда был выдвинут еще один «аргумент», который гласил, будто бы гоголевское направление обязано своим существованием только Белинскому и Чернышевскому.

Против подобных фальсификаций резко выступила революционно-демократическая критика. Н.А. Некрасов в письме к И.С. Тургеневу писал:

«Есть ли другое — живое и честное (направление), кроме обличения и протеста? Его создал не Белинский, а среда, оттого-то оно и пережило Белинского, а совсем не потому, что “Современник” — в лице Чернышевского — будто бы подражает Белинскому».

Революционно-демократической критике надо было бороться за Гоголя не только с открытыми его врагами из реакционного и либерального лагеря. Ей приходилось отстаивать наследие великого писателя и от людей, объявлявших себя поклонниками Гоголя, но допускавших в объяснении его творчества серьезные ошибки. В статье, написанной по случаю выхода в свет отрывков второго тома «Мертвых душ», писатель А.Ф. Писемский старался доказать, будто бы Гоголь является писателем исключительно «социально-сатирического значения», «художником-критиком» и нисколько не художником-поэтом, лириком. Свое ошибочное утверждение автор пытался подкрепить ссылкой на Белинского.

На статью Писемского тотчас же откликнулся «Современник». В «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» Некрасов оценивал взгляд Писемского на Гоголя как неглубокий, суженный, односторонний. Отказывая Гоголю в поэтичности и лиризме, Писемский обеднял творчество гениального писателя, лишал его того, что составляло «настоящую, великую силу Гоголя». Некрасов напоминал, что именно Белинский, который открыл в Гоголе социально-сатирического писателя, первый увидел в нем и вдохновенного поэта, лирика.

Выступление Некрасова вскоре было поддержано и Чернышевским в статье об «Очерках из крестьянского быта» Писемского.

Борьба революционно-демократической критики за Гоголя имела колоссальное значение. Белинский и Чернышевский не только дали всестороннюю оценку творчества писателя, но на материале этого творчества поставили проблемы первостепенной важности: о роли искусства в обществе, о значении передового мировоззрения для художника, о патриотическом характере передовой русской литературы, о реализме и народности. Наиболее плодотворные идеи революционно-демократической критики были развиты в новых исторических условиях марксистской критикой.

7

«Дорого русскому сердцу имя Гоголя», – писал замечательный критик Дмитрий Иванович Писарев. Передовая Россия ценила произведения, созданные Гоголем, прежде всего за правдивое изображение действительности, за их подлинную народность, за глубину выраженного в них национально-патриотического чувства.

<...>